

part of this research – analysis of agenda-setters of different types of ‘agendas’. Three types of ‘agendas’ (intrapersonal, interpersonal and perceived community agenda) are mentioned. Besides proper attention is devoted to the problem of intercorrelation between such types of ‘agendas’ as public, political, media. Perceived community ‘agenda’ is considered as general notion for every of this ‘agendas’. Special attention in this scientific paper is devoted to the ‘European Union’s agenda’. It is accentuated that analysis of this concept can be considered in the context of future development of such part of European studies as pro-integration factors of European Union future evolution. From this point of view ‘the EU’s agenda’ is defined as an important part of the analysis of European integration process. At the same time this notion is viewed in light of the problem of proper balance between supranational and national components of the EU functioning. The EU ‘democratic deficit’ problem and its connection with the supranational public sphere formation is viewed in the context of the EU’s agenda-setting analysis. It is mentioned the considerable media’s role in these processes. Besides other agenda-setters in the EU are considered (the European Commission, EU member states). As the result of this analysis it is mentioned that the ‘European Union’s agenda’ is a proper concept that can be used in European studies.

Keywords: agenda-setting theory, European integration, the ‘EU’s agenda’, the pan-European media, the media of the EU member states, a European public sphere.

References:

Adam, S 2009, ‘Bringing the Mass Media in. The Contribution of the Mass Media for Understanding Citizens’ Attitudes towards the European Union’. *KFG Working Paper Series*, №

4, viewed: <http://userpage.fu-berlin.de/kfgeu/kfgwp/wpseries/WorkingPaperKFG_4.pdf>

D'yakova, YeG & Trakhtenberg, AD, Problema konstruirovaniya real'nosti v protsessakh massovoy kommunikatsii: gipoteza «agenda-setting» (The problem of construction of reality in the process of mass communication: a hypothesis «agenda-setting»), viewed: <<http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/1999/10.pdf>>

Fedoriv, T 2010, ‘Teoretyko-metodologichni zasady vzayemodiyi organiv derzhavnoyi vlady i ZMI u formuvanni poriadku dennogo’ (‘Theoretical and methodological basis of cooperation between government and the media in shaping the agenda’). *Efektivnist` derzhavnogo upravlinnia*, Vyp. 25, pp. 95–101.

Kanchenko, AV 2009, ‘Vplyv zasobiv masovoyi informatsiyi na pryyniatia politychnykh rishen’ (‘The influence of the media on political decision-making’). *Strategichni prioriteti*, № 4 (13), pp. 40–45.

Kazakov, AA 2011, ‘Vzaimodeystviye informatsionnoy i politicheskoy «povestok dnia»: k postanovke problemy’ (‘The interaction of information and political «agenda»: to the problem’). *Izvestiya Saratovskogo universiteta*, Vol. 11, Seriya Sotsiologiya. Politologiya, Vyp. 3, pp. 70–73, viewed: <http://www.sgu.ru/files/izvestia/full/2011_tom_11.3.16.pdf>

Princen, S 2007, ‘Agenda-setting in the European Union: a theoretical exploration and agenda for research’. *Journal of European Public Policy*, Vol. 14, Issue 1, pp. 21–38, viewed: <http://studium.unict.it/dokeos/2012/courses/1001593C1/document/AgendaSetting_Princen.pdf>

Надійшла до редколегії: 1.09.2013 р.

УДК 327.35

А. С. Джилаван

Днепропетровский национальный университет им. Олеся Гончара

ЕВРОПЕЙСКИЙ КЛАСТЕР В НЕООСМАНСКОЙ ДОКТРИНЕ: ДВОЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ИЛИ СБАЛАНСИРОВАННАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА?

Исследуются основные проблемы воздействия процесса евроинтеграции на современную внешнюю политику Турции. Рассмотрены подходы нынешнего турецкого правительства к европейскому направлению «неоосманской» геостратегической доктрины.

Ключевые слова: евроинтеграция Турции, внешняя политика Турции; неоосманизм, европейская политика Турции, идентичность.

Актуальность данной тематики заключается в том, что вопрос полноправного членства Турции в ЕС имеет широкий резонанс не только внутри самого турецкого государства, но также и в международном сообществе. Анкара ожидает вступления в европейское сообщество на протяжении более полувека. Однако, усилия турецкого правительства за весь конкретный исторический период не принесли конечных результатов. После прихода к власти Партии справедливости и развития наблюдается активизация переговорного процесса с представителями Европейского союза. Особенного внимания требует рассмотрение европейского направления турецкой внешней политики в условиях принятия неоосманской геостратегической доктрины.

Процесс вестернизации или модернизации в турецком обществе имеют весьма существенное значение и давние исторические корни. Имплементация западных либерально-демократических ценностей имела приоритетный характер сначала с конца XIX века, а затем – с момента образования турецкой республики в 1923 году.

После окончания Второй мировой войны, Турция окончательно определилась со своей позицией в начавшемся противостоянии двух сверхдержав. Несмотря на заимствование у идей большевизма принципа этатизма

в экономическом регулировании, социалистическая идеология была чуждой для Турции и не рассматривалась как путь государственного развития. В силу данного обстоятельства, выбор в пользу Запада был предварительно обозначен как наиболее приемлемый ориентир. Начиная с этого периода, Анкара приступила к процессу активного внедрения в западные политико-экономические и военные институты (в 1952 году Турция стало членом Североатлантического альянса). Естественно, подобные шаги предполагали дальнейшее углубление процесса интеграции в европейское геокультурное пространство, что также обуславливалось стремлениями сторонников светского режима – кемалистов.

Отправной точкой в вопросе евроинтеграции республиканской Турции (если не принимать во внимание поданную ей заявку на вступление в ЕЭС в 1959 году) можно считать подписание Анкарского соглашения об ассоциации в 1963 году. В документе были закреплены первоначальные три этапа, обуславливающие начало взаимодействия по линии вхождения в европейское пространство. Первая фаза, обуславливающая подготовительный период, заключалась в политико-экономической адаптации государственных институтов Турции для кооперации с Европой. Принимая во внимание

необходимость европейских стран в рабочей силе для ускорения реконструкции после разрушительных последствий войны, Турции была предоставлена возможность свободной миграции рабочей силы и некоторые преференции в торговле. Второй, переходный, этап определял условия, по которым обе стороны обязывались устранить торговые барьеры, что создавало предпосылки для перехода к финальному действию – создание Таможенного союза между Турцией и Европой (Aybey 2004, p. 22–23) [1, с. 22–23].

Тем не менее, Таможенный союз между Турцией и ЕС был учрежден лишь в 1995 году. Следует отметить, что Турция, тем самым, оказалась наиболее интегрированной в европейскую систему, будучи не являясь членом ЕС (Kramer 2000, p. 190) [2, с. 190]. Европа не рассматривала устранение таможенных барьеров как потенциальную предпосылку для утверждения полноправного членства Турции в ЕС. Данное положение было отражено в отчете Европейской комиссии под названием «Повестка 2000: на пути к усиленному и прочному союзу» от 16 июля 1997 года. В соответствии с документом достижение позитивных и свободных внешнеторговых отношений, не должно являться универсальным критерием, по которому вопрос принятия Турции разрешается сам по себе. Одновременно отчет признавал потенциальную возможность включения Турции в ЕС, для начала, признавая его как страны-кандидата. Тем не менее, Европейский Совет в Люксембурге 13 декабря 1997 года не признало Турцию как кандидата в европейское сообщество, а включило в специальную категорию заявителей, для которых должна быть разработана специальная «европейская политика» с целью достижения их членства в будущем (Kramer 2000, p. 195–196) [2, с. 195–196].

Конечно же, турецкая сторона была крайне разочарована таким решением, которое, фактически, отнесло ее к особой категории потенциальных членов, не признавая ее тем самым как страну-кандидата. На тот момент, подобную политику Европы можно объяснить тем, что ЕС представляло собой некий образец «христианского клуба», не желающего видеть в своих рядах крупное мусульманское государство. В доказательство подобного утверждения можно привести высказывание бывшего канцлера Германии Гельмута Коля, сделанное им в октябре 1998 года: «Членство Турции в ЕС невозможно. Европейский Союз – это цивилизационный проект, в котором Турции нет места» (Kuniholm 2001, p. 29–30) [3, с. 29–30].

На тот момент, когда программа объединения новообразованных тюркских государств не принесла желаемых результатов, турецкое правительство в лишний раз убедилось в необходимости достижения конечного результата европейской интеграции.

Позитивный поворот в турецко-европейском взаимодействии наметился с приходом к власти Социал-Демократической партии во главе с Герхардом Шредером в коалиции с Партией зеленых, которая благоприятно, наряду с Италией, относилась к расширению Европы. В виду чего, Турция в 1999 году была принята в качестве кандидата на вступление в ЕС (Kuniholm 2001, p. 49) [3, с. 49]. В итоге, уже в марте 2001 года после проведения Хельсинского саммита Европейская комиссия приняла документ по ассоциативному партнерству с Турцией, согласно которому последней выдвигался перечень проведения необходимых преобразований для достижения готовности к вступлению в будущем в ЕС. Практиче-

ски незамедлительно после принятия конкретного документа турецкое правительство огласило начало «Национальной программы для выполнения перечня ЕС» (Aybey 2004, p. 32–33) [1, с. 32–33].

Процесс евроинтеграции оказывал на Турцию двойственное воздействие. Причиной тому является особый политико-идеологический сплав, составляющий основу турецкой державы. Турецко-исламский синтез, как его принято называть, является продуктом длительного эволюционирования, который прошла Турция на протяжении своей республиканской истории, что отличает ее от остальных стран региона. С одной стороны, исходя из подобной логики, Турцию можно назвать одной из наиболее демократичных и светских стран Ближнего Востока. С другой стороны, турецкое государство – это исламская страна, которая имеет богатые исторические связи с арабским миром и, соответственно, обладает исламской идентичностью. Подобная дилемма не раз становилась причиной коллизии политических взглядов в стране на протяжении второй половины XX века. Достаточно привести в доказательство довольно частых военных переворотов, возникающих, когда правящая элита отмежевывается от курса евроинтеграции, уходя на Восток. Не малую роль в холодном или даже негативном отношении (особенно ярко это проявлялось у турецких исламистов) к Европе сыграл так называемый Севрский синдром (Севрский договор, который закрепил распад империи). Он оказывает весомое влияние на определенные общественно-политические круги, который до сих пор видят в Европе врага, вынашивающего очередной план по разделу страны.

Тем не менее, после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) новая правящая элита активизировала политику на европейском направлении. Примечательно, что данное намерение начала более эффективно по сравнению с той же Народно-республиканской партией – основной защитницей светского режима – проявлять партия с исламскими корнями. Возникает вопрос: в чем заключается первопричина подобной рокировки? Ответ на этот вопрос может дать сама концепция неоосманизма.

Главный архитектор новой геополитической концепции Турции Ахмет Давутоглу (основные положения которой были переселены в его монографии «Стратегическая глубина: международное положение Турции») считает, что турецкое государство в силу своего географического положения не может просто расцениваться лишь в качестве моста между Западом и Востоком. По его мнению, Турция – это центральная сила, которая в эпоху многополярности должна полноценным образом обеспечивать национальные интересы страны, не ограничиваясь тем самым лишь европейским и ближневосточным полюсом. Давутоглу поясняет, что турецкую державу ошибочно привязывать к какой-либо регионально-цивилизационной структуре, так как она выходит за ее рамки и представляет собой геополитическую точку соприкосновения нескольких регионов, обладая при этом важной стратегической и регулирующей ролью, предающей Турции, в свою очередь, геополитическую значимость на глобальном уровне. Тем самым, автор «глубины» отвергает мнение, согласно которому Анкара осуществляет функцию «моста» исламским и западным социокультурными структурами, так как в этом случае страна становится инструментом распространения чужих стратегических интересов. Давутоглу замечает, что Турция – это ближневосточная, бал-

канская, кавказская, центральноазиатская, каспийская, средиземноморская, черноморская и принадлежащая к акватории Персидского залива страна (Grigoriadis 2010, p. 4) [4, с. 4].

Говоря иными словами, новый внешнеполитический курс страны, сквозь призму неосманизма, обеспечивает Турции потенциальную возможность трансформации в регионального лидера. Для достижения поставленной цели необходимо обеспечить тесную кооперацию по линиям «Восток-Запад» и «Север-Юг», практическим воплощением чего стал принцип «ноль проблем с соседями». Есть еще один важный момент, который нельзя игнорировать в европейской политике Турции, основанной на понятии «стратегической глубины».

Неосманская доктрина, обосновывая активность Анкары на территории, ранее подвластной Османской империи, часто апеллирует к такому понятию как «историческая общность». Не отрицая того факта, что Турция имеет глубинные исторические и культурные связи с исламским миром, Давутоглу утверждает, что Османское и Византийское наследие в геокультурном плане неразрывно связаны (Taspinar 2011, p. 2) [5, с. 2]. Это означает, что отказ от Европы в угоду исламского мира для Турции было бы крупной геополитической ошибкой. В подтверждение этого можно привести заявление Давутоглу: «Членство в ЕС является стратегическим выбором Турции и одним из наиболее важных проектов республиканской эры» (Davutoglu 2009, p. 11–17) [6, с. 11–17].

В виду вышесказанного, в начальный этап политической деятельности ПСР наблюдается активизация усилий по ускорению процесса реализаций реформ, необходимых для вступления в ЕС. В этом аспекте были достигнуты значительные результаты, так как ПСР инициировала преобразования практически во всех сферах общественной жизни. Изменения коснулись этнических меньшинств (прежде всего курдов), которым гарантировалась сохранность их культурной самобытности; Совет Национальной безопасности был преобразован в гражданский орган с консультативными полномочиями, что значительно снижало возможность военных вмешиваться в политическую жизнь страны; в Гражданский кодекс и в закон о прессе вводились смягчающие поправки; официально провозглашалось равенство прав мужчин и женщин; был снят чрезвычайный режим в юго-восточных провинциях страны; провозглашался примат международного права; отменялась смертная казнь и т.п. (Vardan 2009, p. 49–57) [7, с. 49–57].

В результате, ЕС объявил о готовности провести формальные переговоры по вопросу полноправного членства Турции, после которых был принят Дополнительный протокол от 2005 года, который прикреплялся к Анкарскому соглашению 1963 года. При этом ЕС потребовал от Турции, чтобы соглашение 1963 года было распространено на новые десять государств Европейского союза, что, фактически, означало бы признание Республики Кипр. Одновременно с принятием протокола, Турция выпустила декларацию, согласно которой подписания Дополнительного протокола не означает признание Республики Кипр (Sochneva 2011, p. 68) [8, с. 68].

Еще одним важным моментом в диалоге Турция-ЕС стал вопрос признания геноцида армян в 1915 году. Факт армянского геноцида признан 11 из 28 стран-участниц ЕС (его признали Германия, Франция, Бельгия, Нидерланды, Италия, Греция, Кипр, Словакия, Польша, Литва

и Швеция) (Turtsiya na puti v Yevropeyskiy Soyuz...) [9]. Таким образом, данный фактор играет значительную роль в вопросе вступления Турции в ЕС. Попытка нормализации армяно-турецких отношений и подписание в Цюрихских протоколов оказало позитивное воздействие на процесс евроинтеграции. Однако в виду дальнейшей их заморозки, благоприятные условия отошли на задний план.

Кончено же, не является секретом то обстоятельство, что некоторые европейские державы всячески тормозят процесс вступления Турции в ЕС, выдвигая то новые условия, то заостряя внимание на давние нерешенные проблемы. Это отражает саму расстановку сил в Европе, которые в контексте расширения придерживаются противоположных взглядов. Одна часть (Германия, Франция) считает, что Турция не готова стать членом европейского сообщества, имея, при этом, обоснования того, что ЕС – это цивилизационный проект. Другая (к примеру, Швеция) полагает, что вхождение Турции в Европу обеспечит возможность стабилизации обстановки на восточном Средиземноморье. Естественно, такая динамика стимулирует стремление Анкары еще больше углубляться в региональные политические процессы, постепенно отходя от европейского полюса.

Торможение вступления Турции в ЕС отражается и на внутривнутриполитической ситуации в стране. Если в 2002 году вступление в ЕС поддерживало около 70 % населения, то уже к 2010 году это число составило не более 40% (Sochneva 2011, p. 67) [8, с. 67]. Нужно отметить, что в идеале, Турция отдает наибольшее предпочтение вхождению в Европу. Этому есть объективное объяснение, что за счет европейского рынка Турция в перспективе может получить значительные материальные средства для реализации своих амбициозных региональных проектов. К тому же, необходимо поддерживать стремления значительного числа населения, которые желают окончания процесса евроинтеграции.

Начиная с момента реализации неосманской внешнеполитической концепции, турецкое руководство достигло принципиально важных результатов. Теперь Европа не является самоцелью всей международно-политической деятельности Анкары, а одним из многих векторов ее активности. На сегодняшний день Турция имеет стабильные отношения с Россией, США и странами ЕС в том числе. Многополярная геостратегия и коренное переосмысление международной позиции турецкого государства позволили расширить пространство практического воплощения положений неосманской доктрины, не ограничиваясь лишь стремлением вхождения в Евросоюз. Сегодня официальные представители Турции заявляют, что как альтернативный вариант рассматривается установление «других отношений», в которых не исключается подписание договора свободной торговли с отдельными странами ЕС (Kohen) [10]. Напоследок необходимо обозначить обстоятельство того, что несмотря на европейскую позицию, Турция все-таки (несмотря на медленные темпы) проводит процесс модернизации и реформирования. Не говоря о позитивных результатах экономического развития (Турция является 17-ой экономикой в мире), Анкара стремится продемонстрировать, что умеренный ислам вполне совместим с основными принципами демократии и западными либеральными ценностями. Это, несомненно, благоприятный фактор, который, в свою очередь, потенциально может способствовать повышению регионального и международного авторитета турецкой державы.

В заключение можно привести следующие **выводы**:

- Неоосманская доктрина позволила кардинальным образом пересмотреть региональное и международное положение Турции. Благодаря этому, европейское направление внешней политики перестало быть приоритетным вектором, а стало одним из многих полюсов турецкой международно-политической активности.

- В турецком обществе за последнее время стали наблюдаться тенденции снижения доверия к европейскому полюсу.

- Имплементация европейских стандартов, касательно практически всех сфер общественной жизнедеятельности, вне зависимости от исхода переговорного процесса между Турцией и Европой оказывает позитивное воздействие на региональный и международный авторитет Турции.

- Нежелание европейского сообщества принять Турцию в качестве полноправного члена ЕС лишь усиливает позиции умеренного ислама в стране. Тем самым, возникает угроза коллизии между представителями исламских и светских социально-политических взглядов.

- Уверенная позиция по отношению к европейской политике правящей партии ПСР позволила ей заполучить парламентское и политическое преимущество. В связи с чем, оппозиционное движение резко пошло на спад и на данном этапе не обладает возможностью предоставить обществу действенной политической и государственной альтернативы.

- Процесс преобразования и модернизации, призванный обеспечить соответствие Турции для вхождения в Евросоюз, на самом деле закрепили позиции умеренных исламистов, упразднив основных противников в лице представителей вооруженных сил – главнейших защитников светского режима.

- Европейская политика нынешнего турецкого руководства показала, что умеренный ислам может соответствовать основным демократическим стандартам.

Библиографические ссылки

1. Aybey A. Turkey and European Union Relations: Historical Assessment / A. Aybey // *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*. – Vol. 4. – № 1. – 2004.
2. Kramer H. A Changing Turkey: The Challenge to Europe and the United States / H. Kramer. – Washington D.C. : Brooking Institutions Press, 2000.
3. Kuniholm B. Turkey's Accession to the European Union: Differences in European and Us Attitudes and Challenges for Turkey / B. Kuniholm // *Turkish Study*. – Vol. 2. – № 1. – 2001.
4. Grigoriadis L.N. The Davutoglu Doctrine and Turkish Foreign Policy / L. N. Grigoriadis. – Athens : Bilkent University/ELIAMEP, 2010.
5. Taspinar O. The Tree Strategic Visions of Turkey / O. Taspinar // *US-Europe Analysis Series*. – № 50. – 2011.
6. Davutoglu A. Turkish foreign policy and the EU in 2010 / A. Davutoglu // *Turkish Policy Quarterly*. – Vol. 8. – № 3. – 2009.
7. Vardan O. Turkey – EU Relations and Democracy in Turkey: Problems and Prospects / O. Vardan // *Turkish Policy Quarterly*. – Vol. 8. – № 1. – 2009.

8. Сочнева И. А. Проблемы и перспективы вступления Турции в ЕС / И.А. Сочнева // *Вестник международных организаций*. – № 1 (32). – 2011;

9. Турция на пути в Европейский союз: роль армянского фактора [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.forsecurity.org/>

10. Kohen S. 50 yıl sonra... AB yorgunluğu [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dunya.milliyet.com.tr/50-yil-sonra-ab-yorgunlugu/dunya/ydetay/1765033/default.html>

Джилавян А.С. Європейський кластер у неоосманській доктрині: подвійна ідентичність або збалансована зовнішня політика?

Досліджуються основні проблеми впливу процесу євроінтеграції на сучасну зовнішню політику Туреччини. Розглянуто підходи нинішнього турецького уряду до європейського напрямку «неоосманської» гестратегічної доктрини.

Ключові слова: євроінтеграція Туреччини, зовнішня політика Туреччини, неоосманізм, європейська політика Туреччини, ідентичність.

Dzhilavian A. European cluster in neo-Ottoman doctrine: double identity or balanced foreign policy?

The basic problems of the eurointegration process impact on modern Turkey's foreign policy are being investigated. The approaches of the current Turkish government to the European direction of «neo-Ottoman» geo-strategic doctrine have been considered.

Keywords: Turkey's eurointegration process, Turkey's foreign policy, neo-ottomanism, Turkey's European policy, identity.

References:

1. Aybey, A 2004, 'Turkey and European Union Relations: Historical Assessment', *Ankara Avrupa Calismalari Dergisi*, Vol. 4, № 1.
2. Davutoglu, A 2009, 'Turkish foreign policy and the EU in 2010'. *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 8, № 3.
3. Grigoriadis, LN 2010, The Davutoglu Doctrine and Turkish Foreign Policy. Bilkent University/ELIAMEP, Athens.
4. Kohen, S 50 yıl sonra... AB yorgunluğu, viewed: <<http://dunya.milliyet.com.tr/50-yil-sonra-ab-yorgunlugu/dunya/ydetay/1765033/default.html>>
5. Kramer, H 2000, A Changing Turkey: The Challenge to Europe and the United States. Brooking Institutions Press, Washington D.C.
6. Kuniholm, B 2001, 'Turkey's Accession to the European Union: Differences in European and Us Attitudes and Challenges for Turkey'. *Turkish Study*, Vol. 2, № 1.
7. Sochneva, IA 2011, 'Problemy i perspektivy vstupleniya Turtsii v YeS' ('Problems and prospects of Turkey joining the EU'). *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, № 1 (32).
8. Taspinar, O 2011, 'The Tree Strategic Visions of Turkey'. *US-Europe Analysis Series*, № 50.
9. Turtsiya na puti v Yevropeyskiy Soyuz: rol' armianskogo faktora (Turkey on the way to the European Union: the role of the Armenian factor), viewed: <<http://ru.forsecurity.org/>>
10. Vardan, O 2009, 'Turkey – EU Relations and Democracy in Turkey: Problems and Prospects'. *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 8, № 1.

Надійшла до редколегії: 15.09.2013 р.